

HAL
open science

Чью историю рассказывают школьные учебники истории России в XX веке? Об особенностях употребления определений “русский” и “советский”, и понятий “народ” и “государство” в текстах российских учебников истории (1992-2016)

Olga Konkka

► **To cite this version:**

Olga Konkka. Чью историю рассказывают школьные учебники истории России в XX веке? Об особенностях употребления определений “русский” и “советский”, и понятий “народ” и “государство” в текстах российских учебников истории (1992-2016). Nationalisms in the post-soviet space: logics, ethics, practices, Oct 2016, Moscou, Russia. <hal-01507091>

HAL Id: hal-01507091

<https://hal.science/hal-01507091>

Submitted on 12 Apr 2017

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Distributed under a Creative Commons Attribution - NonCommercial - NoDerivatives 4.0 International License

Ольга Конкка

**ЧЬЮ ИСТОРИЮ РАССКАЗЫВАЮТ ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ
РОССИИ В XX ВЕКЕ?
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ «РУССКИЙ» И
«СОВЕТСКИЙ», И ПОНЯТИЙ «НАРОД» И «ГОСУДАРСТВО» В ТЕКСТАХ
РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ (1992-2016)**

Доклад, представленный на конференции «Национализмы на постсоветском пространстве: логики, этики, практики» (Москва, РАНХиГС, 31 октября – 2 ноября 2016)

Данный доклад основывается на результатах анализа более 60 российских учебников истории XX века, опубликованных в период с 1992 по 2016 гг.

Распад СССР глубочайшим образом отразился на преподавании новейшей истории в школе и на содержании школьных учебников истории. Трудности переходного периода 1990-х годов запечатлены в «нейтральных» названиях большинства учебников, посвященных истории России и СССР в XX веке: «История Отечества» или «Отечественная история». Авторские предисловия к изданиям 1992 года (Людмилы Жаровой и Ирины Мишиной [1] и Валерия Островского, Виталия Старцева и др.[2]) дают почувствовать, что авторы сами не уверены, историю какого государственного образования школьникам предстоит изучать по их учебникам. Первые учебники по данному периоду, озаглавленные «История России», появляются лишь в 1995 г. (мы можем назвать, в частности, учебники Александра Данилова и Людмилы Косулиной для 9 класса [3] и учебник Валерия Островского и Анатолия Уткина для 11 класса [4]). Тем не менее, с начала 2000-х годов, большинство изданий выходит под заголовком «История России», а во второй половине 2000-х годов последние учебники, озаглавленные «История Отечества», исчезают или меняют свое название.

Эти изменения в заглавиях очень точно отражают первый процесс, который мы хотели бы проанализировать. Речь идет о процессе присвоения истории СССР в российском повествовании о прошлом, наблюдаемом во многих текстах постсоветских учебников. Интересно, что эта тенденция не является новой, ведь и учебники по истории СССР присваивали всю историю советского пространства. Книги, вышедшие под заголовком «История СССР», рассказывали как историю Киевской Руси, так и историю древнего государства Урарту.

Как используются в текстах учебниках понятия «российский», «русский» и «советский»? Являются ли они взаимозаменяемыми? В постсоветских учебниках истории определение «российский», как правило, используется исключительно в отношении государства и общества в период с 1900 по 1922 гг. или после 1991 г., хотя в этом контексте оно часто заменяется на прилагательное «русский» (например, авторы говорят о «русской» армии во время Русско-японской войны, о «русских» войсках на фронтах Первой Мировой войны). Понятие «русский» также используется в отношении русской культуры, искусства, науки, языка, интеллигенции. В контексте же советского периода определение «русские» звучит, как правило, в устах иностранцев:

Из дневника немецкого солдата, убитого под Сталинградом: «Нам надо пройти до Волги еще только один километр, но мы его никак не можем пройти. Мы ведем

борьбу за этот километр дольше, чем войну за всю Францию, но **русские**¹ стоят, как каменные глыбы». [3], [5, с. 277], [6, с. 71]

Черчилль призвал «мир, говорящий по-английски» объединиться и «показать **русским** силу». [7, с. 248]

Наконец, понятие «русский» используется, когда авторы хотят подчеркнуть особый, как правило, менее привилегированный статус русского населения в составе СССР:

Не были учтены интересы и **русского** населения. При Наркомнате более двух десятков комиссариатов защищали интересы поляков, латышей, евреев, мусульман и др. Такого права были лишены только **русские**. [7, с. 153-154]

Двойственным и специфичным в сталинской системе было положение **русского** народа. Народ, составлявший в первое послевоенное десятилетие почти 55% населения страны и игравший ведущую роль во всех основных сферах ее жизни был по существу более бесправен, чем другие народы. [8, с. 451]

Социальные различия в городах [*республик СССР*] нередко ставили **русских** в положение граждан «второго сорта». [9, с. 141]

В целом же, период с 1917 по 1991 гг. определяется как советский период, и народ, чья история излагается на данных страницах, тоже чаще всего обозначается как «советский». Авторы не поясняют, что именно подразумевается под этим понятием: совокупность народов и этносов в рамках государственного образования – СССР? правовой субъект, указанный в конституциях? Лишь в контексте рассказа о 1970-х годах некоторые учебники повествуют о зарождении так называемой «общности советских людей»

Действительно, официально провозглашенная в 60-70-е гг. новая историческая общность людей существовала реально. Примеров того, что этнические, культурные, расовые различия не мешали людям уживаться, советская история давала немало. Главное, что позволяло достичь этого, было чувство причастности к общему великому делу. [9, с. 138]

У людей складывалось ощущение морально-политического единства общества. [...] Для всех советских людей был характерен социальный оптимизм [...]. Предметом особой гордости советских людей было представление о высоком международном авторитете Советского государства [...], о дружбе народов СССР. Это выражалось в большом количестве интернациональных семей, отсутствии конфликтов и межнациональной розни, чувстве единой огромной семьи, в которой каждый человек любой национальности мог свободно чувствовать себя в любой точке страны [...].

Советские люди гордились также энтузиазмом и молодым задором участников комсомольских строек, героями советского спорта, советской космонавтики. Им был присущ особый, социалистический образ жизни – трудовой, коллективистский, общественно активный, нетерпимый к нарушителям социалистической законности и морали. Они с радостью готовились к праздникам, которые отмечали в каждой семье и в каждом трудовом коллективе. Это еще больше сплачивало и объединяло людей, так как общие праздники свидетельствуют о наличии общих ценностей и идеалов. [5, с. 355- 356]

Тем не менее, уже в повествовании о 1920-х гг. авторы с легкостью оперируют понятием «советский народ», с которым ученики призваны себя идентифицировать, поскольку прилагательное «советский» иногда заменяется на притяжательное местоимение «наш».

¹ Все выделения жирным шрифтом в цитируемых отрывках из учебников произведены автором доклада.

Однако это вовсе не означает, что истории всех республик, входивших в состав СССР, уделяется одинаковое внимание. История РСФСР остается в центре повествования, а остальные республики упоминаются, если того требует контекст. Повествование о периоде с 1945 по 1985 гг. в некоторых (правда, довольно малотиражных и малоизвестных) учебниках вообще позволяет забыть о том, что кроме РСФСР, в состав СССР входили другие республики [10], [11]. Отметим также, что учебник под редакцией Александра Чубарьяна является одним из редких изданий, содержащих отдельную главу под названием «Судьбы государств и народов в составе России и СССР». Впрочем, следует отметить, что лейтмотивом этой главы является подчеркивание вклада всего советского населения в развитие каждой из республик:

Усилиями всего советского народа разрушения, вызванные войной, были в короткий срок ликвидированы, и уровень экономического развития УССР превзошел довоенный. [12, с. 230]

Усилиями всего советского народа, в первую очередь народов России, уровень экономического и социального развития Средней Азии значительно вырос. [12, с. 237]

Эта идея появляется и в других текстах:

РСФСР, русский народ оказали огромную помощь народам союзных республик СССР в создании и развитии собственного экономического и культурного потенциала в эти годы [*третьей пятилетки*]. [13, с. 269]

Смещение понятий «русский» и «советский», феномен «присвоения истории» особенно явно проявляется в контексте Великой Отечественной войны, которая является центральным элементом повествования в учебниках истории XX века. Как показывают многие исследования, война является в историческом сознании россиян поистине ключевым событием как данного периода [14, с. 30], так и всей российской истории, [15, с. 98], [16, с. 57], [17, с. 293], [18, с. 73], [19, с. 291]. В контексте повествования о войне, отсылки к полиэтничному (многонациональному) составу Красной Армии минимальны. В некоторых учебниках их едва ли достаточно для того, чтобы не ввести учащихся в заблуждение, позволяя им думать, что русские были единственным народом, который сражался с Вермахтом и терпел лишения войны. В большинстве же изданий авторы чаще всего ограничиваются общими фразами:

Война стала тяжелейшим испытанием для всех **народов Советского Союза**. [20, с. 239]

...**многонациональный советский народ** сплотился в минуту смертельной опасности. [12, с. 149]

Иногда подобные фразы сопровождаются данными о числе представителей различных национальностей, получивших звание героя Советского Союза, или примерами подвигов, совершенных нерусскими воинами [5, с. 295], [8, с. 356], [20, с. 239], [21, с. 225]. Упоминание о полиэтничном составе советского общества в период войны связано, как правило, либо с желанием подчеркнуть единение этого общества, либо, напротив, с намерением рассказать о феноменах, связанных с его разделением, таких, как коллаборационизм или депортации по этническому признаку. В первом случае авторы с гордостью заявляют, что расчёты Гитлера на то, что война и оккупация советских территорий приведут к конфликтам между различными народами СССР, не оправдались [2, с. 110- 113], [5, с. 278], [8, с. 159- 161], [10, с. 128], [13, с. 383], [21, с. 225], [22, с. 51], [23, с. 180- 181]. Во втором случае они настаивают на том, что коллаборационизм являлся маргинальным явлением среди нерусских народов и однозначно осуждают его [10, с. 128], [13, с. 393- 394]. Депортации целых народов также

осуждаются большинством авторов и характеризуются как «несправедливые», «преступные», «незаконные и античеловечные» [2, с. 268], [8, с. 159- 161], [12, с. 151], [24, с. 308], [25, с. 248], [26, с. 268]. Лишь некоторые издания пытаются привести доводы, призванные частично оправдать депортации, которые представлены как наказание за сотрудничество с врагом [5, с. 283], [13, с. 393] или как попытка не допустить массовых переходов на сторону врага [11, с. 220]. Следует подчеркнуть, что те и другие элементы являются второстепенными в главах о Великой Отечественной войне. Вполне в духе знаменитого сталинского тоста о народе, который «заслужил в этой войне [...] звание [...] руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны», а также первых послевоенных учебников истории, повествующих о том, как разные народы СССР сражались «под руководством великого русского народа» [27, с. 402], известный учебник под редакцией Александра Данилова и Александра Филиппова рассказывает, что накануне войны «объединяющим фактором становились русская история и традиции российской государственности» [13, с. 298]. Авторы же учебника, соответствующего требованиям нового УМК по отечественной истории и историко-культурного стандарта, пишут о том, как представители других народов (украинец, эстонец, молдаванин, еврей, казах...) «повторили» подвиги «русских героев» [22, с. 52].

В некоторых случаях, прилагательные «русский» и «советский» вообще выступают в качестве синонимов. Например, в учебнике Л.Н. Жаровой, И.А. Мишиной и В.С. Белявского (2004) мы читаем:

Война для СССР была оборонительной, справедливой. Это способствовало подъему **традиционного русского и советского патриотизма** и массового героизма советских людей. [5, с. 295]

Учебник Данилова и Филиппова предлагает следующую тему для сочинения, опять-таки смешивающую понятия «русский» и «советский»:

Напишите сочинение-размышление на тему «Исторические корни героизма и мужества **советского народа**, проявление **русского характера**, ментальности». [13, с. 420]

Кроме того, в контексте повествования о войне авторы зачастую избегают уточнять, о каком именно народе идет речь. Иногда они говорят просто о «народе»:

Смоленское сражение, оборона Киева, Одессы, Севастополя, Ленинграда показали высокий моральный дух **народа**, его непреклонную стойкость в защите Родины. [8, с. 315]

Важнейшим, но, безусловно, не единственным фактором, действительно влияющим на победу в такого рода войнах, является «качество» **народа**, его характер. И наш противник прекрасно понимал это. [28, с. 177]

Порой авторы также переходят на притяжательные прилагательные и говорят о «нашем» народе», не поясняя, какой народ они понимают под «нашим».

Начальный период войны **вновь** показал, что **наш** многонациональный народ в час смертельной опасности способен забыть многие обиды и ошибки властей, мобилизовать все силы и проявить свои лучшие качества. [29, с. 222]

В этой фразе, особый интерес вызывает наречие «вновь». Авторы (А.А. Данилов, Л.Г. Косулина и М.Ю. Брандт) не поясняют, к каким другим историческим событиям отсылает это слово. К иностранной интервенции, последовавшей за революцией 1917 года? К походу армии Наполеона против Российской империи? К нашествию войска хана Батыя на Русь? Но ведь в каждом из этих случаев этнический состав «многонационального» народа, о котором идет речь, был совершенно разным. Точно так

же, отсылая к традициям неопределенного прошлого, авторы другого учебника, С.В. Перевезенцев и Т.В. Перевезенцева, пишут:

Опираясь на возросшую техническую мощь армии, на **традиционный** героизм и самоотверженность солдат и офицеров, советские маршалы и генералы уверенно повели Красную армию от победы к победе. [11, с. 214]

Следует отметить, что подобный дискурс характерен не только для школьных учебников. Так, в предисловии к коллективному изданию *Россия в XX веке. Война 1941-1945 годов. Современные подходы* (2005), Андрей Сахаров (являющийся также редактором нескольких учебников) пишет:

Тысячелетняя история России свидетельствует о жертвенном подвиге ее народа. Каждое столкновение с врагом обращалось в преодоление, демонстрируя непобедимость русского воинства, а каждое всенародное испытание вливало новые, неисчерпаемые силы в русские сердца. Огромная стихия русской земли всегда защищала русского человека, но и сам он должен был защищать и устраивать свою землю. В былой славе Отечества народ всегда находил силы для борьбы с агрессорами. [30, с. 5]

И далее:

Русское государство и его державное место среди народов мира соиздавалось тысячелетиями (*sic!*) под водительством князей и царей, творческими силами русского народа, морально-нравственными устоями Православной церкви и мощью Русской армии, руководимой великими полководцами. Эти три силы непрерывно в течение тысячелетий (*sic!*) являлись действенными. Ими росла Россия, они охраняли целостность государства и спасали его в години бурь и потрясений. В этом сущность исторического пути России. [30, с. 14]

Как мы видим, автор выводит за скобки полиэтничный состав «народа» России, определяя его исключительно как «русский» и накрепко привязывая его к понятию государства. В этом сборнике, как и в одном из приведенных примеров, также широко используется притяжательное прилагательное «наш», о чем свидетельствуют фразы из других глав сборника:

В вооруженной схватке с гитлеровской Германией **наш народ** не только отстоял свою независимость, но и спас народы Европы и всего мира от фашизма. (В. Зима, «Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов») [30, с. 74]

Ответ на вопрос, почему мы победили, лежит не в русле непреоборимости нашего социалистического общественного и государственного строя, не в руководящей роли партии, а в уникальности **нашего народа**, победившего не благодаря, а вопреки уродливой системе, созданной Лениным. (Ю. Дьяков. «Горькое чувство истории: за ошибки власти расплачивается народ») [30, с. 96]

Отметим, что притяжательное прилагательное «наш» присутствует повсеместно в учебниках по истории XX века; оно позволяет авторам не вдаваться в подробности о переменах, затронувших границы и национальный состав российского и советского государств в прошлом. Приведем лишь несколько примером из предисловий к учебникам, поскольку именно они, как правило, отсылают к истории «нашего» народа и «нашей» страны:

Вот и снова мы с вами отправляемся в увлекательное путешествие по волнам памяти **нашего** народа. [11, с. 3]

В многовековой истории **нашего** Отечества XX век объективно занимает особое место. [7, с. 5]

XX век в истории **нашей** страны стал наиболее сложным и драматическим периодом. [31, с. 5]

За эти сто с лишним лет **наша** Родина прошла путь, наполненный героическими свершениями и страшными трагедиями. [32, с. 5]

Теперь уже к **нашей** стране было приковано внимание всего мира, у **нас** произошли события, оказавшие влияние на ход мировой истории. [33, с. 4]

Авторы надеются, что приводимые в учебнике факты позволят вам не только понять и осмыслить суть происходящих событий, но и сформировать собственный взгляд на **нашу** страну и ее роль в мировом развитии XX – начала XXI в. [34, с. 5]

Мы радуемся **нашим** общим победам и скорбим о **наших** общих поражениях. Мы гордимся **нашими** лучшими сторонами и стыдимся того, что считаем дурным, стремимся это исправить, не повторить ошибок. Только на этом может строиться чувство гордости за **нашу** страну, **наших** сограждан и созданное **нами** (*sic!*) государство. [35, с. 7]

Любопытно, что авторы последней цитаты (речь идет об учебнике, выпущенном издательством Баласс, из серии «Школа 2100», написанном коллективом из семи авторов) не отрицают, что «в XX веке несколько раз менялись границы и название нашего государства, его флаг, герб и гимн», и тем не менее, они упорно настаивают на определении «наш» и на названии «Россия»:

Казалось бы, что проще – рассказать о жизни современных поколений, о жизни наших отцов, дедов и прадедов. О том, как они превратили **нашу Россию** из страны земледельческой в страну промышленную и ликвидировали безграмотность, как спасли мир от фашизма и проложили человечеству дорогу в космос. [35, с. 6]

В России к власти приходили люди с самыми разными взглядами, убеждениями, нравственными принципами: император Николай II, председатель Совнаркома В.И. Ленин, генеральные секретари компартии И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, М.С. Горбачев, президент Б.Н.Ельцин. [там же]

Это, наверное, один из самых ярких примеров такого явления, как присвоение истории, которое в той или иной степени отражено во всех цитатах, приведенных в этом разделе. Примечательно, что понятия «советский» и «СССР» вообще отсутствуют в тексте предисловия к данному учебнику. Впрочем, такие феномены, как присвоение более или менее далекого прошлого и конструирование коллективной идентичности, отнюдь не ограничиваются российским контекстом, и были подробно описаны такими авторами, как Эрнест Геллнер [36], Эрик Хобсбаум [37], Анн-Мари Тьесс [38] и Сюзанн Ситрон [39].

Во многих отрывках, которые мы процитировали в первой части нашего доклада, присутствует понятие «народ». Оно является одним из центральных понятий в учебниках истории XX века (заметим сразу, что термин «нация» не используется авторами в отношении населения страны в целом, а об особенностях использования понятия «национальный» мы расскажем позднее). Другим таким понятием является понятие «государство». Во второй части мы обратимся к вопросу о том, как в текстах учебников взаимодействуют между собой эти два понятия. И здесь наблюдается некоторое различие между учебниками 1990-х и 2000-х годов.

В частности, мы можем констатировать, что в большинстве текстов 1990-х годов и в некоторых учебниках начала 2000-х годов «народ» выступал в качестве главного положительного героя повествования, тогда как «государство» (как Российская империя,

так и СССР) зачастую являлось препятствием на пути его благополучия и процветания. Американский антрополог Джеймс Верч отмечает, что «русский народ» стал новым протагонистом постсоветских учебников истории [40, с. 149]. Это может объясняться, в частности, тем, что в контексте постперестроечной России середины и конца девяностых (поскольку большинство первых постсоветских учебников появились после 1995 года), с царившим тогда разочарованием в государстве, как советском, так и постсоветском, на первый план выходит понятие «народ». В текстах учебной литературы этого периода, представители народа, с их отвагой, щедростью и талантами, зачастую представлены как жертвы бездушной государственной машины и, следовательно, не ассоциируются с последней. Именно поэтому важнейший вопрос, касающийся прямого или косвенного участия широких слоев населения в функционировании репрессивных механизмов так никогда и не был поставлен на страницах постсоветских учебников. Авторы учебников предпочитают выражать восхищение достижениями российских и советских граждан, которые не ассоциируются с государственными системами: им в учебниках этого периода дается довольно негативная оценка. Все это позволяет авторам, проанализировавшим первые постсоветские учебники, говорить о появлении нового русского национализма, пришедшего на смену коммунистической идеологии. [41, с. 533- 536], [42].

В учебниках же 2000-х и 2010-х годов понятия «народ» и «государство» все чаще отождествляются, и интересы «народа» часто представляются в неразрывной связи с интересами «государства». Таким образом, если в учебниках 1990-х годов непрерывность исторического процесса в XX веке опиралась на понятие «народ» (история которого рассказывалась в рамках трех разных государственных образований), то в учебниках 2000-х и 2010-х годов эта непрерывность, напротив, связана прежде всего с понятием государства, существовавшего в различных формах (Российская Империя – СССР – Российская Федерация).

Приведем несколько примеров. Первый из них – политический режим дореволюционной России периода 1900 – 1917 гг. Вопреки распространенному мнению, учебники 1990-х годов, критикуя советское государство, отнюдь не идеализировали Россию эпохи Николая II, хотя, разумеется, и не критиковали «царскую Россию» в той степени, в какой это делали советские учебники. Так, первое издание учебника Данилова и Косулиной (1995) пишет, что «особенно возмущало российских рабочих отсутствие у них элементарных гражданских прав» [3], а издание 2001 года добавляет, что «в стране отсутствовали представительные учреждения, элементарные демократические свободы» [43, с. 17]. И первая, и вторая фраза исчезают в новых изданиях начиная с 2004 года. Учебник Игоря Долуцкого, печально известный тем, что в конце 2003 года с него был снят министерский гриф, пишет, что в России отсутствовало понятие гражданина, а, следовательно, «и богатейший купец или фабрикант-заводчик, и распоследний мастеровой или мужик-бедолага, и чистокровный дворянин были равно политически бесправны» [44, с. 39- 40]. Учебники Островского и Уткина (1995 и 2002) критикуют «громоздкую бюрократическую систему», которая служила «опорой самодержавия» [26, с. 10], и «отсутствие законов», защищавших права тысяч бывших крестьян, которых аграрное перенаселение вынудило искать работу в промышленных городах [4, с. 26]. Однако тексты этого периода также уделяют внимание положительным начинаниям, которые зачастую представлены как действовавшие независимо от государства или даже вопреки ему. Среди таких примеров – первый опыт русского парламентаризма (Государственная Дума), получивший положительную оценку в большинстве ранних постсоветских учебников, инициативы земской интеллигенции или отдельных фабрикантов. Вот пример из учебников Валерия Островского и Анатолия Уткина (1995), а также Андрея Левандовского и Юрия Щетинова (1997):

В Думе одной из самых влиятельных фракций стали «прогрессисты». Ее идеологом был представитель известной семьи промышленников и банкиров, газетный издатель П.П. Рябушинский, а лидером – фабрикант А.И. Коновалов, отличавшийся особым вниманием к проведению разумной социальной политики, соблюдению интересов рабочих. Для изучения постановки дела образования и отдыха рабочих и их семей на фабриках Коновалова приезжали делегации из Европы. [4, с. 94- 95]

Земцам постоянно напоминали о том, что они не имеют права выходить в своей деятельности за рамки местных, уездных и губернских проблем. Любое действие, направленное на то, чтобы консолидировать земское движение, придать ему общероссийский характер, рассматривалось правительством как противозаконное. В этих условиях земские лидеры рискнули пойти на нарушение правительственных запретов и объединиться негласно. В 1899 г. они создали кружок «Беседа», внешне имевший характер частного «дружеского собрания». [...] Его участники стремились преодолеть несогласованность в работе отдельных земств, установить между ними прочные связи. На средства членов кружка издавались так называемые сборники «Беседы» — «Нужды деревни», «Политический строй» и пр. Эти сборники, в подготовке которых приняли участие виднейшие русские ученые — историки, юристы, экономисты, сыграли важную роль в идейном становлении либерализма, в разработке его представителями конкретных политических и экономических программ преобразования России. [45]

Праволиберальные партии, кадеты и октябристы, представлены авторами учебников 1990-х годов в достаточно положительном свете. [4, с. 63- 67], [45], [46, с. 37- 38]. Авторы пишут об их борьбе за «наделение граждан широкими правами и свободами» и неприятии ими «насильственных мер» политической борьбы [1, с. 8- 9].

Учебники 2000-х и 2010-х годов уделяют гораздо меньше внимания инициативам промышленников или земских лидеров, Государственной Думе и либеральным партиям. Вот оценка деятельности последних в текстах этого периода:

Полномочия Государственной думы были по-прежнему ограничены. Это направляло ее деятельность во многом во вред стране: парламент не только не делил с верховной властью ответственности за положение дел в стране, но и превратился в центр оппозиции этой самой власти. [13, с. 100]

Думские либералы активно вели оппозиционную деятельность, сосредоточив свои усилия на дискредитации царской семьи и монархического строя. [11, с. 50]

В то же время, на страницах учебников последнего десятилетия можно найти гораздо меньше критики в адрес политического устройства или социального неравенства николаевской России. Это связано с тем, что на первый план в них выходит государство, а не заботы и чаяния имперских подданных. Именно идея сильного государства оправдывает свержение царского режима и октябрьскую революцию, которая в более ранних учебниках представлена как национальная катастрофа.

Второй пример связан с повествованием об эпохе, называемой в современных учебниках истории «сталинской модернизацией». Многие учебники 1990-х годов оспаривают необходимость проведения индустриализации в столь сжатые сроки и настаивают на слишком высокой цене, заплаченной за создание отечественного промышленного комплекса. В частности, коллективизация, которая позволила профинансировать индустриализацию, представлена в первых постсоветских учебниках, прежде всего, как личная трагедия миллионов людей и как трагедия советского крестьянства в целом. С этой точки зрения показателен заголовок к соответствующему разделу параграфа учебника Островского и Уткина: «Перелом в деревне и перелом деревни» [4, с. 214]. Учебник Владимира Дмитренко, Владимира Есакова и Владимира

Шестакова (1995) представляет коллективизацию как трагический конец «многовековой истории российского крестьянства» [8, с. 236], а законодательные акты, принятые сталинским руководством, как «акты геноцида против крестьян» [8, с. 258]. Учебник под общей редакцией Валерия Журавлева (1997) пишет: «Сталина волновала перспектива "остаться без наших новых... заводов". Но его совсем не заботило, что будет с собственным народом после того как хлеб [...] уплывет за бесценок за границу» [24, с. 209]. Наконец, один из двух первых постсоветских учебников, опубликованных в 1992 году, характеризует коллективизацию как «чудовищное преступление против народа», когда «сотни тысяч крестьянских семей были изгнаны из деревень, с насиженных гнезд, миллионы погибли, скончались в голодных муках» [2, с. 253]. Обратим внимание на присутствие в двух последних цитатах понятия «народ», который в обоих случаях представлен как жертва политики правительства.

В более поздних постсоветских учебниках коллективизация зачастую представлена как жесткая, но неизбежная мера (например, [10, с. 90], [20, с. 173], [23, с. 137- 140], [47, с. 113- 116]), и акцент постепенно смещается на то, что коллективизация дала государству, какие «задачи» она позволила решить:

Ценой разорения деревни коллективизация **решила несколько задач**, намеченных Сталиным. Она позволила резко увеличить поставки зерна и других продуктов сельского хозяйства государству, дала возможность обеспечить необходимым минимумом продовольствия городское население и армию, получать необходимое сырье для промышленности и экспорта. [48, с. 82]

Ликвидировав кулачество и проведя сплошную коллективизацию, сталинское руководство **решило ряд важнейших стратегических задач**. Был положен конец идейным разногласиям внутри правящей партии [...]. Завершилось складывание нового общественного строя [...]. Следовательно, людские массы были ориентированы уже не на решение своих прежних личных интересов (хотя таковые имелись и продолжали сохраняться в силу человеческой природы), а на решение глобальной общегосударственной задачи – построения нового общества на базе социалистических форм хозяйства. [28, с. 113- 114]

Неудивительно, что объем текста, рассказывающего о голоде 1932-1933, имеет устойчивую тенденцию к сокращению.

Что касается самой индустриализации, то в первых постсоветских учебниках, как правило, ставился вопрос о ее неизбежности (например, [4, с. 220- 222], [8, с. 213- 214]) а также о цене, заплаченной за успех «строек пятилетки». Островский и Уткин пишут: «Ценой за индустриализацию и связанную с ней "сплошную коллективизацию" стали многомиллионные людские потери, сравнимые лишь с потерями в разрушительной войне» [4, с. 222]. Учебник Долуцкого приводит свидетельство писателя В.А. Каверина о возведении знаменитой «Магнитки»:

Быстрота, с которой возник город, была феноменальная. [...] Но кладбище росло скорее, чем комбинат... Все в Магнитогорске было необыкновенным. Но, может быть, еще более необыкновенное заключалось в том, что, ясно видя связь между ростом кладбища и ростом комбинатов, я как бы старался не видеть эту связь. [44, с. 229]

В учебниках же 2000-х годов рассказ о коллективизации призван внушать, прежде всего, гордость, связанную с темпами и масштабами промышленныхстроек. Соответствующие главы часто сопровождаются репродукциями картин советских художников: «Домна №1 Кузнецкстроя» (П.И. Коптов), «Утро пятилетки» (Я.Д. Ромас), «Утро индустриальной Москвы» (К.Ф. Юон), «На строительстве новых цехов» (А.А. Дейнека). Учебник Данилова и Филиппова в разделе «Мобилизация общества для исторического прорыва» объясняет, что в условиях «дефицита исторического времени»,

необходимость создания основ нового строя и подготовки к войне предопределила особый, мобилизационный тип развития». Изложение особенностей данного типа развития (жесткая централизация управления, ставка на энтузиазм и на «административный нажим») завершается цитатой Сталина: «Люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются» [13, с. 243- 244].

И действительно, взгляд авторов учебников на лагерную систему и на репрессии конца 1920-х и 1930-х годов также изменился. В учебниках 1990-х и начала 2000-х годов они представлялись ключевым доказательством антигуманного характера советского режима. Авторы осуждали царившую в обществе обстановку массового психоза [4, с. 232], [8, с. 244], [44, с. 282] и представляли репрессии как трагедию целого народа:

Огромный каток социалистических преобразований подминал под себя тысячи и миллионы человеческих судеб. «Цена» борьбы за «счастливое» будущее становилась все выше. [8, с. 237]

До сих пор нет точных данных, которые бы опирались на достоверные документы и дали бы истинное представление о масштабах всеобщей, всенациональной трагедии, постигшей страну в те годы. [46, с. 179]

Многие тексты этого периода настаивают на том, что в лагерях можно было оказаться совершенно случайно:

Не только подозрение по политическим мотивам, донос недоброжелателя, но и простое опоздание из-за транспортных неурядиц могли привести в ГУЛАГ любого. [2, с. 6]

Основную массу репрессированных составляли крестьяне, рабочие, деятели науки, художественной культуры. Их обвиняли в борьбе против коллективизации, в невыполнении норм трудодней в колхозах, в подрыве стахановского движения, в опозданиях на работу и т.д. [46, с. 179]

По свидетельству всех мемуаристов, больше всего в лагерях было крестьян. Часть из них сидела «по указу от седьмого-восьмого», часть была обвинена в самых немислимых преступлениях, как та неграмотная старуха, которая, сидя в камере вместе с Е. Гинзбург, никак не могла выговорить предъявленного ей обвинения – «троцкистка», и, понимая его как «трактористка», удивлялась: «да старух и не берут на трактор-то!». [...] Попасть под арест можно было за что угодно... [49, с. 356- 357]

Советское руководство оказалось перед альтернативой: или резко увеличить довольствие заключенным, радикально изменить весь уклад их работы и «жизни», или распустить лагеря, где отбывали наказание за мифические преступления миллионы трудоспособных людей. [45]

Однако некоторые учебники 2000-х годов пытаются представить репрессии и лагерную систему с точки зрения их пользы для государства в целом и, опять-таки, «задач», которые они позволили решить. Заметим к слову, что во многих книгах повествование о репрессиях и лагерях переместилось в главы об индустриализации. То, что ранее являлось рассказом о личной трагедии миллионов людей, стало лишь одним из элементов рассказа об успехах индустриализации, одной из основ созданной экономической системы (например, [20, с. 166], [23, с. 145], [25, с. 184], [28, с. 101- 102], [32, с. 99, 109], [47, с. 149], [48, с. 85]). В текстах этого периода мы можем встретить фразы, если не оправдывающие, то по крайней мере объясняющие использование принудительного труда:

Лагерная экономика внесла значительный вклад в дело индустриализации СССР. [5, с. 223]

Важную роль в обеспечении высоких темпов индустриализации стали играть репрессии. [28, с. 101]

Четвертой категорией граждан, труд которых интенсивно использовался в решении задач индустриализации, были заключенные. [...] Использовался также труд многих сотен тысяч сосланных людей («спецпоселенцев»). «Спецпоселенцы» работали на всех важнейших стройках, причем большинство работало добровольно и вопреки всему верило в великий смысл того, что они делают. [13, с. 250- 251]

Вклад в строительство «новой жизни» внесли заключенные и спецпереселенцы [...]. Одной из главных строек первой пятилетки был Беломорско-Балтийский канал, на котором впервые в больших масштабах начал использоваться труд эзков. [...] Из 100 тыс. строителей около половины погибло, но зато в сравнении с первоначальными расчетами строительство обошлось в 4 раза дешевле. Эзки также добывали руду и золото, производили большую часть деловой древесины. [33, с. 174]

Если большой террор все же дает многим авторам повод для вынесения его в отдельный раздел параграфа о советском обществе 1930-х годов, то в некоторых текстах он полностью или почти полностью оправдывается необходимостью обеспечения четкой и отлаженной работы государственного механизма. Вот некоторые выдержки из обширного отрывка из учебника Владимира Шестакова, Михаила Горинова и Евгения Вяземского (2010)², объясняющего, какие «задачи» решала «репрессивная политика режима»:

Во-первых, устроить недовольных политикой «затягивания поясов». Ведь далеко не каждый человек готов был жертвовать собой – терпеть голод и холод – ради будущего.

Во-вторых, как это ни покажется чудовищным и странным, репрессии позволяли поддерживать хорошее настроение у народа. [...]

В-третьих, путем репрессий сталинское руководство пыталось заставить работать в интересах общества партийно-государственных чиновников. [...]

В-четвертых, в преддверии возможной войны власть хотела уничтожить сторонников иностранных государств, а также тех, кто мог ими быть. [...]

В ходе индустриализации возникла крайне централизованная хозяйственная система [...]. Данная система могла хорошо работать лишь при четком выполнении «снизу» команд «сверху». Для поддержания беспрекословной исполнительской дисциплины также применялись репрессии. [...]

Политика массовых репрессий позволила подтянуть исполнительскую дисциплину на всех уровнях политического и хозяйственного руководства. До минимума была сведена коррупция [...], деятельность на территории СССР иностранных агентов. В результате в годы Великой Отечественной войны в советском тылу, в отличие от всех других европейских стран, не было организованных выступлений сторонников Гитлера («пятой колонны»). [47, с. 146- 148]

В учебнике Данилова и Филиппова каждое упоминание о репрессиях также сопровождается упоминанием о достигнутых результатах. Например, первая чистка в рядах ВКП(б), по словам авторов, была связана с «разложением партийных рядов», когда многие из партийных работников «оказались втянутыми в коррупцию, вели разгульный образ жизни». Благодаря чистке, «из партии исключались те, кто допускал различные злоупотребления» [13, с. 188- 189]. Уничтожение различных «оппозиций» составило «необходимое условие наступающих перемен» [13, с. 196]. Массовые чистки 1930-х годов являлись «одним из инструментов поддержания внутренней дисциплины, сплоченности» [13, с. 247]. Репрессии представлены как эффективный инструмент контроля за деятельностью ответственных работников: «невыполнение задания, подозрительное прошлое, сомнения в лояльности – все это могло быть и являлось

² Следует отметить, что данный отрывок присутствует как в первом издании данного учебника (2000 г.), так и во всех последующих переизданиях.

поводом для репрессий против руководителей и членов их семей». [13, с. 249]. В контексте ужесточения режима в начале 1930-х годов авторы вводят понятие «превентивной (упреждающей) репрессии», которая рассматривалась как «средство подавления не только отдельных личностей, но и целых социальных групп, чьи интересы были чужды принципам существующей власти и которые могли оказать ей активное противодействие» [13, с. 254]. Большой террор, согласно авторам, был нацелен на уничтожение или изолирование в ГУЛАГе значительной массы людей, подвергшихся преследованиям в недавнем прошлом, но получивших по Конституции 1936 г. все права: «Во многом размах этих мер был вызван опасениями Сталина и его окружения в том, что на первых в истории СССР всеобщих выборах победу на местах могут одержать противники его курса» [13, с. 256- 257]. Как и в учебнике Шестакова, здесь приводится аргумент (выраженный словами Молотова), согласно которому «мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было «пятой колонны» [13, с. 257]. Наконец, авторы объясняют, что после назначения Берии на должность наркома внутренних дел, «террор был поставлен на службу задачам индустриального развития» [13, с. 322].

Заметим, что ни у Шестакова, Горинова и Вяземского, ни у Данилова и Филиппова не упомянуты ни «планы» на аресты и расстрелы, ни абсурдность обвинений, которые могли привести в лагеря ГУЛАГа или стоить обвиненному жизни (в этих текстах, как и во многих других, создается иллюзия, что многие были арестованы заслуженно). Нет ни одного свидетельства или иного документа, иллюстрирующего репрессии на примере судьбы конкретного человека (такие свидетельства были широко распространены в более ранних учебниках, например, [8, с. 296- 298], [49, с. 360- 369], [50, с. 372]). Весь рассказ о репрессиях сводится к их утилитарности, к их обоснованности в свете различных «задач», которые было призвано решить советское государство.

И, наконец, последний пример смещения «центра тяжести» повествования от народа к государству связан с Великой Отечественной войной. Главы о войне в отечественных учебниках истории являются самими «статичными» главами. Во-первых, здесь более всего прослеживается преемственность между советскими и постсоветскими учебниками, вплоть до использования одних и тех же фраз, речевых оборотов и примеров. Во-вторых, эти главы меньше всего изменились за прошедшие 25 постсоветских лет. Именно поэтому, благодаря видимости малейших вносимых добавлений и поправок, их пример является столь наглядным.

Разумеется, героизм «народа» на фронте и в тылу является во всех постсоветских учебниках одним из ключевых моментов повествования. Авторы приводят многочисленные примеры групповых и индивидуальных подвигов и настаивают на том, что без героизма и самоотверженности советских граждан победа не была бы возможна. Но вот роль государства со временем была переосмыслена. Авторы учебников 1990-х порой отмечали, что победа была одержана исключительно благодаря народу и его преданности родной земле, тогда как государство являлось скорее препятствием для более эффективной защиты последней. Они проводили четкое различие между официальной пропагандой и подлинным патриотизмом, который вдохновлял людей на подвиги. Так, первый постсоветский учебник писал:

Трагический парадокс истории состоял в том, что **народ**, вступивший на борьбу с бесчеловечным, агрессивным, террористическим гитлеризмом, сам жил в условиях сталинского деспотического режима, приносившего страдания миллионам людей. Но выбор, который был сделан **народом** в июне 1941 г., был выбором не в защиту сталинского режима. Это был выбор в защиту независимости Родины. Самоотверженным трудом, героизмом, самопожертвованием всего **народа** была создана экономика, ковавшая оружие победы, кормившая страну. Именно **народ**

выдвинул плеяду прославленных маршалов, командиров, за которыми шел в бой и побеждал врага на полях сражений. [2, с. 109]

В первом издании учебника Левандовского и Щетинова мы читаем:

...сталинский режим, используя средства массовой информации, армейских политработников и творческую интеллигенцию, делал все, чтобы идеологизировать идущие из глубин **народной души** чувства и настроения, связать их непосредственно с социалистическими ценностями, с именем И. В. Сталина. [45]

И наконец, Леонид Кацва в своем электронном учебнике, лишь первая часть которого была издана в 2002 г., пишет:

Великую Отечественную войну выиграл советский **народ**, принесший на алтарь Победы неисчислимые жертвы. Но плодами Победы воспользовались, в первую очередь, Сталин и его режим. [...] Должно было пройти еще очень много времени, чтобы смог прозвучать жесткий приговор: победа в войне была одержана не благодаря, а вопреки Сталину и сталинизму. [51]

В текстах этого периода повсеместно присутствуют упоминания и свидетельства того, что успехи солдат и офицеров на фронте часто были связаны с их освобождением от «тоталитарного сознания», с возможностью, во всеобщем хаосе и неразберихе, наконец-то взять инициативу в свои руки, не дожидаясь указаний «сверху» [2, с. 53], [3, с. 1995], [4, с. 275], [6, с. 64- 65, 140], [24, с. 324, 340- 341], [52, с. 45].

Однако в учебниках 2000-х и 2010-х годов все чаще подчеркивается роль государства, которое вело народ к победе. Так, в учебниках Никиты Загладина и др. пишется, что причинами провала немецкого плана молниеносной войны являлись «упорное сопротивление Красной Армии и жесткие меры руководителей СССР по организации борьбы с захватчиком» [23, с. 193], [25, с. 230], [53, с. 205]. В новой версии учебника Олега Волобуева и др. мы читаем, что «основным источником победы явился огромный социально-экономический и военный потенциал страны. Советский Союз сумел в кратчайшие сроки перестроить свою экономику на военный лад» [54, с. 194]. Учебники Шестакова (под редакцией Сахарова, 2012) и Данилова и Филиппова, не отрицая народного вклада в победу, подчеркивают роль «гигантских возможностей государственной мобилизационной системы» [7, с. 224], [13, с. 378]. Наконец, учебник Владлена Измозика и Сергея Рудника (2013) утверждает:

Победа в Великой Отечественной войне подтвердила, что созданная большевиками модель государства и общества, несмотря ни на что, являлась жизнеспособной и представляла собой слаженный организм, который в состоянии защитить себя ценой колоссальных жертв. В ситуации однопартийной системы многое зависело от ума, деловитости, энергии, порядочности представителей властных структур. Немалую роль играли и начертанные на знаменах СССР высокие гуманные лозунги. Люди отдавали силы, здоровье, жизни во имя Победы. Огромную роль в ее достижение внесли рядовые коммунисты и комсомольцы, искренне верившие в социалистические идеалы. [20, с. 239- 240]

Как показывает последняя цитата, авторы более поздних текстов начинают подчеркивать вклад в победу партии, комсомола ([5, с. 280], [20, с. 216- 217], [23, с. 191], [48, с. 220]), а также органов НКВД ([20, с. 218], [22, с. 67- 72]), чья деятельность однозначно осуждалась в более ранних учебниках (например, [4, с. 372, 263]).

Все приведенные во второй части нашего доклада примеры позволяют увидеть, что учебники 1990-х и 2000-х годов по-разному отвечают на вопрос: народ для государства или государство для народа. Швейцарская исследовательница Корин Амаше, автор нескольких публикаций о российских учебниках истории, пишет, что согласно авторам последних, залогом сильной России является «сильное, авторитарное

и централизованное государство, интересы которого стоят превыше интересов отдельной личности, и которое может в любой момент потребовать жертв от своих граждан» [16, с. 27]. Таким образом, народ, который по-прежнему является неотъемлемым элементом повествования об истории XX века, отодвигается на второй план, тогда как на первый выходят «задачи» и интересы государства в его различных «формах»: Российская Империя, СССР, Российская Федерация.

Третий вопрос, который мы хотели бы затронуть, связан с двойственностью в использовании термина «народ», который может означать как российский или советский «народ» в целом, так и «народы» СССР или «народы», населяющие территорию Российской Федерации. В последнем случае авторы как раз говорят о «национализме», «национальных» районах, окраинах или республиках, «национальном самосознании», «национальных движениях», «националистических» настроениях (хотя прилагательное «национальный» иногда употребляется и в отношении всей нации, например, в выражении «национальные интересы», «национальный» доход, «национальный», т.е. всеобщий характер чего-либо). Ниже приведены примеры фраз из учебника Шестакова (под ред. Сахарова) [7], в которых встречаются прилагательные «национальный» и «националистический» и существительное «национализм»:

Чтобы не отставать от передовых стран мира, России было необходимо в кратчайший срок решить комплекс проблем, касавшихся всех основных сфер общественной жизни: [...] **в сфере национальных отношений** – не допустить раскола империи по **национальному** признаку... (стр. 12)

В России в 1912 г. насчитывалось 2863 частных учебных заведения, функционировали различные **национально-религиозные** учебные заведения. (стр. 29)

Центр революционного движения переместился в **национальные районы** — в Польшу, Прибалтику, на Украину. (стр. 42)

Манифест 17 октября [...] не удовлетворил коренные социальные требования крестьян, рабочих, **представителей национального движения**. (стр. 44)

На поиск дальнейших межклассовых компромиссов и сотрудничества через Думу ориентировали и некоторые существенные завоевания революции: [...] смягчение русификаторской политики на **национальных окраинах**. (стр. 48)

В **национальных районах** по мере их социально-экономического развития нарастали **националистические настроения**. (стр. 68)

На местах поднималась волна **национализма** и шовинизма. (стр. 76)

Столь же мощным было движение народов за **национальную независимость**. Сложившуюся ситуацию Ленин характеризовал как «общенациональный кризис». (стр. 90)

В соответствии с этим договором новое **националистическое правительство** Украины обязывалось поставлять Германии сырьё и продукты питания. (стр. 105)

Идеям регионального сепаратизма и **национализма**, носителями которых являлись некоторые представители местной партийно-государственной элиты, была противопоставлена концепция мощной центральной власти, имеющей наднациональный характер. (стр. 156)

...в многонациональных районах РСФСР и страны на фоне быстрого роста **национального самосознания** исподволь развивалась русофобия, а русский народ в свою очередь утрачивал **национальную самобытность**, терял способность к консолидации **национальных сил**. (стр.287)

Им идейно противостояли интерфронты, которые боролись против развала союзного государства, за равные гражданские права всех жителей **национальных республик**. (стр. 328)

С началом перестройки в **национальном самосознании** народов России происходят серьезные изменения. Сепаратистские настроения в Прибалтийских республиках, Грузии, Молдове, принятие в них дискриминационных законов о языке, желание возложить на россиян вину за все ошибки и просчёты союзного Центра способствовали формированию у части населения России **национал-патриотических** настроений. (стр. 333-334)

Однако в условиях резкого всплеска **национальных чувств российских народов** демократы приняли крайне важное решение... (стр. 334)

С усилением в народных фронтах влияния **экстремистско-националистических** сил всё очевиднее становится их ориентация на достижение полного суверенитета республик и создание независимых государств. (стр. 336)

Претензии республик и других **национальных** образований в России на особый статус, а тем более на выход из неё грозили полным распадом страны и междоусобицей. (стр. 344)

Поскольку приведенные примеры можно считать типичными для большинства учебников 2000-х и 2010-х годов, из них также можно заключить, что термин «национализм» часто носит в текстах негативный оттенок. Он ассоциируется с «сепаратизмом» и используется в основном в отношении нерусских «народов». Здесь просматривается, между прочим, своеобразный возврат к геллнеровскому пониманию национализма (вспомним его пример с Руританией и Мегаломанией). Тем не менее, в повествовании истории XX века трудно не усмотреть элементы становления особого национализма (в широком понимании этого термина), основанного, в частности, на гордости, связанной с победой в Великой Отечественной войне, ускоренной модернизацией, освоением космоса и т.п. Однако термин «национализм» в этом контексте, разумеется, не используется.

В целом же, учебники истории являются яркими свидетелями неясности в определении места нерусских «народов» в рамках «многонациональных» государств, коими являются СССР и Российская Федерация. Признавая многонациональный характер этих государств, тексты учебников, тем не менее, практически не уделяют внимания другим «народам»: в частности, разделы о науке и культуре повествуют о достижениях «русских» ученых, о произведениях «русских» писателей, композиторов и художников. В первой части мы описали некоторые особенности повествования о республиках СССР. Но даже если мы обратимся исключительно к России в ее сегодняшних границах, тексты учебников не могут не удивить нас тем, что они в основном излагают историю этнических русских. Прочитав их, школьник вряд ли получит ответы на вопросы: какое положение в Российской империи и в СССР занимали народы Кавказа? Как сказалась на их жизни немецкая оккупация? Какой была судьба кочевых народов Крайнего Севера в период коллективизации или Великой Отечественной войны? Как, в целом, советский период сказался на их быте, культуре, идентичности? Все эти и многие другие вопросы никогда не поднимаются в российских школьных учебниках истории XX века. Лишь первые постсоветские учебники уделяли некоторое внимание подобным проблемам и вменяли в вину советским властям игнорирование культурных особенностей некоторых этносов (например, [1, с. 298- 299], [2, с. 119, 170], [5, с. 355]). Учебники А. Данилова и Л. Косулиной *История государства*

и народов России (для разных классов) уделяют нерусским народам лишь немногим более внимания, чем другие учебники: их повествование по-прежнему сосредоточено в основном на России и русских. Разумеется, в каждом из субъектов Российской Федерации, школьников знакомят с историей их региона, и по данному предмету также существуют учебники. Однако другие регионы и народы останутся для них столь же чуждыми³. Повествование, сосредоточенное на этнических русских, а не россиянах, само по себе много говорит об постсоветской идентичности. Тексты учебников могут только подтвердить выводы французской исследовательницы Жюльет Кадио, согласно которым, после распада СССР, российская модернизация строилась вокруг создания национального государства, в котором этнические русские призваны были играть ведущую роль. Таким образом, современная Россия сохраняет некоторые признаки империи, в которой центральное место занимает российский народ и националистическая идеология [55, с. 212- 213].

Какой вывод можно сделать из всего сказанного? Если вновь обратиться к вопросу, поставленному в тему данного доклада: «Чью историю рассказывают школьные учебники истории России в XX веке?», а также вспомнить о том, что самой первой проблемой, упомянутой в докладе, являлась проблема названий, которые авторы дают своим учебникам, то, наверное, стоит заключить, что лучше всего к современным российским учебникам истории XX века (и не только) подошло бы заглавие первого монументального опуса по отечественной истории: «История государства Российского». Возможно, именно потому, что государство выходит на первый план в школьном историческом повествовании, становясь всеоправдывающим и всепоглощающим элементом этого повествования, вопрос о народах и этносах, формировавших в разные эпохи «народ» этого государства, становится вторичным и, следовательно, столь мало проясненным и проработанным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] Л.Н. Жарова, И.А. Мишина, *История отечества, 1900-1940: учебная книга для старших классов средних учебных заведений*. М.: Просвещение, 1992.
- [2] В.П. Островский, В.И. Старцев, Б.А. Старков, Г.М. Смирнов, *История отечества, 1939-1991: учебник для 11 класса средней школы*. М.: Просвещение, 1992.
- [3] А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, *История России, XX век: учебная книга для 9 класса общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение, 1995.
- [4] В.П. Островский, А.И. Уткин, *История России. XX. 11 класс: учебник для общеобразовательных учебных заведений*. М.: Дрофа, 1995.
- [5] Л.Н. Жарова, И.А. Мишина, В.С. Белявский, *История отечества. XX век: учебник для 9 класса основной школы*. М.: ЦГО, 2004.
- [6] В.П. Денисенко, В.С. Измозик, В.П. Островский, В.И. Старцев, *История Отечества. 1939-1996 гг. Учебник для 11 класса*. М.: Специальная литература, 1998.

³ Многие авторы выражали озабоченность по поводу отсутствия нерусских народов в российских учебниках истории, например, V. Shnirelman, «Stigmatized by History or by Historians? The Peoples of Russia in School History Textbooks», *History and Memory*, vol. 21, n° 2, с. 110- 149, 2009; J. Torney-Purta, J. Schwillе, J.-A. Amadeo, *Civic education across countries : twenty-four national case studies from the IEA civic education project*. International Association for the Evaluation of Educational Achievement, 1999; Голубев А.В., «Новейшая история России в учебниках 1995 года», в сборнике Г. Бордюгов (ред.), *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. М.: АИРО-XX, 1996; Гагагова Л., «Как в сегодняшней школе рассказывают о внешних и внутренних конфликтах», в сборнике К. Аймермахер, Г. Бордюгов (ред.), *Историки читают учебники истории*. М.: АИРО-XX, 2002

- [7] В.А. Шестаков, А.Н. Сахаров, *История России, XX - начало XXI века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение, 2012.
- [8] В.П. Дмитренко, В.Д. Есаков, В.А. Шестаков, *История отечества. XX век. 11 класс: учебное пособие для общеобразовательных школ*. М.: Дрофа, 1995.
- [9] А.А. Данилов, А.И. Уткин, А.В. Филиппов, С.В. Алексеев, *История России, 1945-2008: 11 класс, учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение, 2009.
- [10] Ю.Н. Лубченков, В.В. Михайлов, *История России. XX – начало XXI века. 9 класс: учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Мнемозина, 2013.
- [11] С.В. Перевезенцев, Т.В. Перевезенцева, *История России. XX – начало XXI века: учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений*. М.: Русское слово, 2012.
- [12] А.О. Чубарьян, А.А. Данилов, Е. И. Пивовар, *История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение, 2011.
- [13] А.А. Данилов, А. В. Филиппов (ред.), *История России, 1900-1945: 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение, 2012.
- [14] L. Gudkov, « Time and History in the Russians' Consciousness (part 2) », *Russian Public Opinion Herald*, vol. 2, n° 104, с. 13- 61, 2010.
- [15] L. Gudkov, « Time and History in the Russians' Consciousness (part 1) », *Russian Public Opinion Herald*, vol. 3, n° 101, с. 84- 102, 2009.
- [16] W. Berelowitch, K. Amacher, *Histoire et mémoire dans l'espace postsoviétique : le passé qui encombre*. L'Harmattan-Academia, 2013.
- [17] M. Laruelle, *Le nouveau nationalisme russe: des repères pour comprendre*. Paris: L'Œuvre éditions, 2010.
- [18] K. Amacher, « La mémoire du stalinisme dans la Russie de Poutine : continuité ou rupture ? », *Esprit*, vol. Décembre, n° 12, с. 70- 77, déc. 2010.
- [19] Г. Бордюгов (ред.), *Исторические исследования в России-III. Пятнадцать лет спустя*. М.: АИРО-XXI, 2011.
- [20] В.С. Измозик, С.Н. Рудник, *История России: 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений*. М.: Вентана-Граф, 2013.
- [21] А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, М. Ю. Брандт, *История России, XX – начало XXI века. 9 класс: учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение, 2009.
- [22] М.М. Горинов, А.А. Данилов, М. Ю. Моруков, *История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций*, том 2. М.: Просвещение, 2016.
- [23] Н.В. Загладин, С.Т. Минаков, С.И. Козленко, Ю.А. Петров, *История Отечества. XX век: учебник для 9 класса основной школы*. М.: Русское слово, 2003.
- [24] В.В. Журавлев, Ю.В. Аксютин, М.К. Горшков, А.П. Ненароков, *История России. Советское общество. 1917-1991. Экспериментальное учебное пособие*. М.: Терра, 1997.
- [25] Н.В. Загладин, Ю.А. Петров, С.И. Козленко, С.Т. Минаков, *История России. XX – начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений*. М.: Русское слово, 2008.
- [26] В.П. Островский, А.И. Уткин, *История России. XX век. 11 класс: учебник для общеобразовательных учебных заведений*. М.: Дрофа, 2002.
- [27] А.М. Панкратова, К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.В. Фохт, *История СССР. Учебник для 10 класса средней школы*. М.: Учпедгиз, 1952.
- [28] А.Ф. Киселев, В.П. Попов, *История России. XX – начало XXI века. 11 класс. Базовый уровень: учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Дрофа, 2012.

- [29] А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, М.Ю. Брандт, *История России, XX – начало XXI века: учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение, 2008.
- [30] А.Н. Сахаров (ред.), *Россия в XX веке: война 1941-1945 годов: современные подходы*. М.: Наука, 2005.
- [31] М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков, *История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций*, том 1. М.: Просвещение, 2016.
- [32] О.В. Волобуев, С.П. Карпачев, П.Н. Романов, *История России: начало XX – начало XXI века. 10 класс: учебник*. М.: Дрофа, 2016.
- [33] В.В. Сухов, А.Ю. Морозов, Э.Н. Абдулаев, *История России: XX – начало XXI века. 9 класс: учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Мнемозина, 2012.
- [34] Н.В. Загладин, Ю.А. Петров, С.И. Козленко, С.Т. Минаков, *История России. XX – начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений*. М.: Русское слово, 2013.
- [35] Д. Д. Данилов и др., *История России. XX – начало XXI века. Учебник для 9 класса основной школы*. М.: Баллас, 2010.
- [36] E. Gellner, *Nations et nationalisme*. Paris: Payot, 1989.
- [37] E. J. Hobsbawm, *Nations et nationalisme depuis 1780 : programme, mythe, réalité*. Paris: Gallimard, 1992.
- [38] A.-M. Thiesse, *La création des identités nationales : Europe, XVIIIème-XXème siècle*. Paris: Seuil, 1999.
- [39] S. Citron, *Le mythe national : l'histoire de France en question*. Paris : Éd. Ouvrières, 1989.
- [40] J. V. Wertsch, « Collective Memory and Narrative Templates », *Social Research*, vol. 75, n° 1, с. 133- 156, 2008.
- [41] E. Lisovskaya, V. Karpov, « New Ideologies in Postcommunist Russian Textbooks », *Comparative Education Review*, vol. 43, n° 4, с. 522- 543, 1999.
- [42] В. Берелович, «Современные российские учебники истории: многоликая истина или очередная национальная идея?», *Неприкосновенный Запас*, вып. 24, n° 4, стр. 80- 88, 2002.
- [43] А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, *История России, XX век: учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение, 2001.
- [44] И.И. Долуцкий, *Отечественная история. XX век: учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений*, том 1. М.: Мнемозина, 2001.
- [45] А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов, *Россия в XX веке: Учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение, 1997.
- [46] О.В. Волобуев, А.П. Ненароков, В.В. Журавлев, А.Т. Степанищев, *История России. XX век: учебник для 9 класса общеобразовательных учебных заведений*. М.: Дрофа, 2001.
- [47] В.А. Шестаков, М.М. Горинов, Е.Е. Вяземский, А.Н. Сахаров, *История России: XX – начало XXI века, 9 класс: учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Просвещение, 2010.
- [48] В.С. Измозик, О.Н. Журавлева, С.Н. Рудник, *История России: 9 класс: учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Вентана-Граф, 2013.
- [49] Л.А. Кацва, *История России. Советский период: 1917 - 1941 гг. Учебник для 10-11 классов средней школы*. М.: Мирос-Антиква, 2002.
- [50] Б.Г. Якеменко, *История Отечества: Часть I: 1800-1939 годы. Учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений*. М.: ЦГО, 2003.
- [51] Л.А. Кацва, *История России. Советский период* (текст опубликован на сайте школы №1543, www.1543.su/history/hist11/).

- [52] И.И. Долуцкий, *Отечественная история. XX век: учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений*, том 2. М.: Мнемозина, 2002.
- [53] Н.В. Загладин, Н.А. Симония, *История России и мира в XX – начале XXI века. 11 класс*. М.: Русское слово, 2008.
- [54] О.В. Волобуев, А.П. Ненароков, В.В. Журавлев, А.Т. Степанищев, *История России. XX век – начало XXI века. 9 класс: учебник для общеобразовательных учреждений*. М.: Дрофа, 2010.
- [55] J. Cadiot, *Le laboratoire impérial: Russie-URSS, 1860-1940*. Paris: CNRS Éditions, 2007.